

Святая Блаженная Ксения Петербургская.

С давних пор встречались на Руси странные люди. Одеты в лохмотья, едва прикрывавшие тело от ветра и дождя, жили они лишь подаением. Одни из них скитались по белу свету из селения в селение, из города в город. Иные жили всегда на одном месте; не жили — ютились где-нибудь под мостом или в укромном уголке на задворках... О чём-то плакали, о чём-то молились... И вели эти безумные на вид люди странные речи. Но речи эти, дивился народ, часто оказывались пророческими. Имели эти люди особый дар — видеть насквозь каждого человека и знать, что с ним случится в будущем. А иногда они предсказывали даже судьбу страны. Народ называл таких людей юродивыми, или блаженными. И было их немало.

Странный, говорящий порою смелые речи человек вызывал к себе невольное уважение: даже царям приходилось выслушивать их суждения и поучения. Об иных юродивых рассказывают истории и вовсе чудесные, ибо не только обличали они зло, не только защищали добро и предсказывали будущее, но и творили чудеса.

Народ никогда не обижал беззащитных юродивых, наоборот — почитал их, считая, что дар ясновидения дан им от Бога за то, что живут они согласно учению Иисуса Христа из священной книги Библии: “Иисус сказал ученикам своим: если кто хочет идти за мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мной”. “Отвергнись себя и возьми крест свой” — это значит: откажись от родного дома, от богатства, тёплой одежды, от вкусной пищи и даже от нормального поведения. “Следуй за мной” — это значит: посвети жизнь свою Богу, молясь перед ним за себя и за всех людей.

Не всегда юродивыми становились по собственной воле, сознательно обрекая себя на этот высокий духовный подвиг. Случалось и так, что постигала человека какая-то беда, страшное потрясение переживал он — и в одночасье ломалась жизнь, менялась судьба. И человек, прежде ничем не отличавшийся, обыкновенный, становился вдруг юродивым.

Именно так произошло с Ксенией Петербургской.

Петербургской её называли потому, что она жила в Санкт-Петербурге на Петербургской (ныне Петроградской) стороне, когда здесь была бедная окраина города: немощёные улицы и дощатые заборы; лужи, в которых плавали утки; канавы, заросшие болотной травой; одноэтажные,

окружённые кустами акаций деревянные домики, где жили бедные чиновники и военные; крошечные лавчонки, торговавшие чаем, пряниками, ситцами. И была здесь странная улочка. Забрёдал сюда какой-нибудь прохожий и с удивлением узнавал, что называется она “Андрей Петрович”. На вопрос, откуда взялось такое странное название, местные жители рассказывали ему удивительную историю.

Когда-то, ещё при императрице Елизавете Петровне, на этой улице в небольшом доме жили муж и жена — Андрей Фёдорович и Ксения Григорьевна Петровы. Андрей Фёдорович был военным в чине полковника и пел при дворе в церковном хоре. Они очень любили друг друга и жили душа в душу.

Казалось, ничто не предвещало беды. И не было ещё у Ксении Григорьевны пророческого дара, чтобы предвидеть и предотвратить её. И беда пришла: Андрей Фёдорович скоропостижно скончался. Так внезапно, что не успел исповедаться и причаститься. И это больше всего терзало молодую двадцатилетнюю вдову. Ведь умереть без христианского приготовления к смерти — значит обречь свою душу на вечные муки. И тогда, чтобы спасти душу любимого мужа, решила Ксения Григорьевна принести в жертву Богу не только земные богатства, которые имела, не только отречься от звания своего, но и отдать самое ценное, чем может обладать человек, — собственный разум.

С этой минуты Ксения как будто лишилась рассудка: когда мужа повезли на кладбище, она надела на себя его военную одежду — камзол, штаны, картуз — и в таком виде, к удивлению всех родственников, провожала гроб до могилы. Мало того, с тех пор она больше не откликалась на своё имя, а просила называть себя именем мужа: Андрей Фёдорович. Если кто-нибудь обращался к ней по имени, она отвечала печально: “Оставьте вы Ксению! Что она вам сделала? Похоронила я её, а Андрей Фёдорович весь тут”. Такое бывает нередко — случается с кем-то из близких беда, и невольно думаешь: “Лучше бы не с ним, а со мной!” Так и Ксения — странным мужским нарядом, новым именем своим она словно бы утверждала: беда случилась именно с ней; это её, Ксению, схоронили, а муж — он жив и будет жить.

Но на этом странности Ксении не закончились: сразу же после похорон она всё своё имущество раздала бедным, а дом мужа, в котором была когда-то так счастлива, подарила своей хорошей знакомой, Параскеве Антоновой, попросив её пускать в него даром бездомных нищих. Родные Ксении не

хотели, чтобы она осталась без крова, и обратились к начальству Андрея Фёдоровича; мол, несчастная от горя лишилась ума, сама не понимает, что творит. Но после долгих разговоров с Ксенией люди поняли, что не от слабого ума были её поступки — от доброго сердца и великой любви не только к мужу, но и ко всем людям.

В память о Ксении, об имени, которым назвала она себя по смерти мужа, и получила — хоть и не совсем точно — своё имя улица “Андрей Петрович”. Проходили годы... Сменялись поколения... В прошлом веке появились на Петербургской стороне каменные дома, а улица эта получила новое, по сей день сохранившееся название — Лахтинская.

Ну а что же Ксения?

Все дни, с утра до вечера, бродила она по городу — босая, в мужской одежде; в руке палка, за плечами котомка, сама высокая, худая, глаза большие, светлые. Когда одежда превратилась в лохмотья, Ксения стала ходить в красной кофте и зелёной юбке или наоборот — в зелёной кофте и красной юбке, но обязательно этих цветов, цветов мужнина мундира. А лоскутки, оставшиеся от его одежды, прятала на груди. Зимой она носила на босу ногу рваные башмаки, а голову повязывала простым белым платком.

Все жалели Ксению — когда-то счастливую, а теперь от горя безумную, нищую, — говорили с ней ласково, угощали её, подавали милостыню. Но она брала лишь “царя на коне” — копейку, на которой отчеканен был Георгий Победоносец, поражающий дракона. Да и эту копейку тут же отдавала какому-нибудь нищему. Все обиды и печали сносила Блаженная Ксения безропотно, и лишь однажды, когда стала она уже почитаться окрестными жителями за святого человека, угодницу Божью, пришлось обитателям Петербургской стороны увидеть её в страшном гневе. Ватага мальчишек, которые испокон веков любят дразнить слабых и беззащитных, не ограничиваясь словами, принялась швырять в юродивую комья грязи и камни. И тогда — единственный раз в жизни — смиренная угодница, подняв свою палку-посох, сама набросилась на обидчиков, тут же обратившихся в бегство. Испугались не только мальчишки, но и их родители — издревле на Руси смертным грехом почиталось обидеть юродивого. Что сказали они своим детям, какой суд и расправу над ними учинили — неизвестно, только с той поры блаженную больше никто никогда не обижал...

Чаще всего бродила Ксения по Петербургской стороне — то заглянет к знакомым, то зайдёт на Сытный рынок, то в церковь апостола Матфея,

которой сейчас уже нет; а на ночь куда-то исчезала. В конце концов горожане решили разузнать, где же ночует юродивая. Удалось выяснить, что уходила она на ночь за город, в поле, и там до рассвета молилась... Только изредка Ксения оставалась ночевать в доме — и то лишь у близких знакомых.

В то время на Смоленском кладбище шло строительство новой каменной церкви — взамен старой, деревянной. Стены поднялись уже высоко, так что каменщикам приходилось сперва поднимать кирпич на леса и только после этого продолжать вести кладку. Строительство храма — дело богоугодное, и блаженная Ксения надумала помочь строителям. По ночам носила она кирпичи и складывала на лесах. Поутру приходили мастеровые — и понять не могли, как это происходит. Наконец решили вызнать, кто же этот незримый помощник. Вот тогда-то и стало всем известно, что тяжкий этот труд исполняла известная всей округе юродивая Ксения.

Мало-помалу горожане стали понимать, что Ксения не обычная нищенка, каких много было тогда в Петербурге, а особенная. Где ни побывает она, туда потом приходит удача.

Купцы подметили — если Ксения зайдёт к кому из них в лавку и угостится пряником, сразу же лавка начинает отлично торговать. Подвезёт кто-нибудь из извозчиков Ксению хоть на несколько шагов — и целый день после этого ему попадают богатые седоки. Поэтому они наперебой зазывали к себе Ксению — и доброе дело совершить, и удачу залучить. Матери замечали: покачает Ксения ребёнка, приласкает больного младенца, тотчас плачущий успокоится, а больной вскоре выздоровеет. Вот почему, когда Ксения проходила мимо домов, двери распахивались и хозяева как долгожданную гостью приглашали её зайти. Но главное, вот на что обратили люди внимание: своими странными речами Ксения предсказывала людям, что с ними произойдёт, и указывала при этом, как им надо поступать.

Как-то раз шла Ксения к Параскеве Антоновой — той самой, которой дом подарила. Антонова была женщиной одинокой, не дал ей Бог ни мужа, ни детей. В то утро сидела она у себя в горнице, занимаясь рукоделием. Как всегда, не снимая с плеч котомки, Ксения быстро сказала с порога: — Вот ты сидишь, чулки штопаешь и не знаешь, что тебе Бог сына посылает. Иди скорей на Смоленское кладбище.

Не близок путь с Петербургской стороны до реки Смоленки. Однако Антонова бросила все домашние дела и отправилась на кладбище. Шла, шла

и только завернула на Камскую улицу, что ведёт на Смоленское кладбище, как прямо перед ней извозчик сбил беременную женщину. Несчастливая прямо на улице разрешилась от бремени и тут же скончалась. Антонова взяла новорождённого на руки и с ним вместе вернулась домой. Отца ребёнка найти так и не удалось. Антонова сама вырастила мальчика, воспитала, и он всю жизнь почитал её как родную мать.

А однажды Ксения весь день ходила по городу — то к прохожим подойдёт, то к знакомым заглянет, то в церковь... И всё повторяет:

— Пеките блины! Пеките блины! Скоро вся Россия будет печь блины!

— Что это нынче с Ксенией? — удивлялись люди. — При чём тут блины?! До масленицы вроде ещё далеко...

А на следующий день, 25 декабря 1761 года, умерла императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великого. Ещё накануне велела она архитектору Растрелли настлат в её новом Зимнем дворце паркет покрасивее, отделать спальню золотом, но вдруг — скончалась. И, как положено по обычаю в таких случаях, люди на поминках варили кисель и пекли блины. А несколько лет спустя, уже в царствование императрицы Екатерины Великой, блаженная Ксения несколько дней подряд просидела на церковной паперти — и всё плакала, плакала...

— О чём ты плачешь, Андрей Фёдорович? — спрашивали её.

— Там кровь, кровь... реки, каналы кровью текут, — горестно плакала Ксения.

А вскоре стало известно, что в Шлиссельбургской крепости на острове Орешек, в том месте, где берёт начало Нева, убили законного наследника престола, молодого Иоанна Антоновича, так и не успевшего увидеть за свою жизнь ничего, кроме каменных стен своей темницы.

В другой раз Ксения подошла на улице к незнакомой женщине, подала той медный пятак с изображением всадника и сказала:

— Возьми пятак, тут царь на коне. Потухнет. Женщина приняла монету и, не понимая, что означают странные слова нищей, направилась домой. И только завернула на свою улицу, как издали увидела, что на крыше её дома вспыхнуло пламя. Вокруг дома собрался народ — кто кричит, кто крестится, кто в окно уж полез вещи вытаскивать. Испуганная женщина с зажатым в кулаке пятаком побежала к дому, и только к нему приблизилась, как пламя, к удивлению всей толпы, вмиг исчезло.

Говорили, что Ксения насквозь видела людей, читала все их мысли. Зашла она как-то раз к купчихе Гайдуковой. Та усадила гостью за стол, принялась угощать. Когда Ксения собралась уже уходить, Гайдукова давай извиняться за

угощение:

— Уж ты прости меня, Андрей Фёдорович, нечем тебя угостить больше.

Ничегошеньки сегодня не готовила.

— Да спасибо, спасибо тебе, матушка, за твоё угощение, — отвечала Ксения,

— только лукавить зачем? Ведь побоялась ты мне дать уточки...

Стыдно стало хозяйке — ведь и вправду стушила она утку и приберегла её в печи для отсутствующего грозного мужа.

Ещё очень и очень многое рассказывают о Ксении, её чудесах и пророчествах

— ведь жила она после смерти мужа целых сорок пять лет. Когда

превратилась она из счастливой жены Ксении в полубезумного “Андрея

Фёдоровича”, ей исполнилось двадцать шесть, а скончалась она на

семьдесят втором году жизни.

Могила Ксении Петербургской находится на Смоленском кладбище — том

самом, где некогда помогала она по ночам строить церковь в честь иконы

Смоленской Божией Матери. Надпись, высеченная на могильной плите,

заканчивается словами: “Кто меня знал, да помянет душу мою, для спасения своей души. Аминь”. И слова эти оказались пророческими.

Через некоторое время на Смоленское кладбище стало стекаться множество людей — помолиться, попросить утешения и исцеления.

И после смерти Ксении Петербургской не прекратились чудеса, по-прежнему

оставалась она помощницей человеческой в бедах и болезнях. Люди верят:

если прийти на могилу Ксении помолиться, попросить мысленно о помощи

— блаженная обязательно на просьбу откликнется.

Верующие так объясняют это: люди умершие и люди живущие составляют

между собой как бы одну семью и помогают друг другу; живущие поминают

в своих молитвах усопших, умершие молятся перед Богом за всех живущих

на Земле.

Многие уносили с собой горсть земли с могилы Ксении — так что вскоре весь холм оказался разобранным. Насыпали новый — и его постигла та же судьба.

Положили на могилу мраморную плиту — и ту растащили, откалывая от неё по кусочку; паломники уносили с собой осколки во все концы России...

В середине прошлого века над могилой блаженной Ксении поставили маленькую каменную часовенку, а в начале века нынешнего — воздвигли новую, больше и наряднее. И приходили в этот дом молитвы не только жители Санкт-Петербурга. Верующие всей России съезжались сюда.

Многим добрым людям, приезжавшим в Санкт-Петербург с надеждой или в отчаянии, приходила на помощь Ксения.

СѢАБЛЖЕННАА МАТИ

КСЕНІА ПЕТРБУРГСКАА

